

Новая история

Наталья
Горбаневская

Полдень

Дело о демонстрации
25 августа 1968 года
на Красной площади

INLIBERTY

Наталья Евгеньевна Горбаневская
Полдень. Дело о демонстрации
25 августа 1968 года
на Красной площади
Серия «Новая история»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083695

*Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной
площади: Новое издательство; Москва; 2017
ISBN 978-5-98379-210-4*

Аннотация

В полдень 25 августа 1968 года восемь человек вышли на Красную площадь, чтобы выразить протест против вторжения советских войск в Чехословакию. Протест не имел никакого практического смысла, участники акции попали в тюрьмы и психбольницы, но демонстрация стала символом нравственного сопротивления тоталитарному режиму. Книга одного из участников демонстрации, поэта и переводчицы Натальи Горбаневской, посвящена истории и последствиям самого известного антисоветского выступления.

2-е издание, дополненное.

Содержание

От издателя	6
«Надейся, еще полдень не сник»	7
«Герои или безумцы?» Предисловие автора к первому русскому изданию	11
Пролог	24
Всему народу Чехословацкой Социалистической Республики	25
Коммунистическим и рабочим партиям всего мира!	28
Всем профсоюзным организациям мира!	31
Воззвание к Всемирному совету мира	33
Обращение делегатов XIV чрезвычайного съезда КПЧ к коммунистическим партиям всего мира	36
Ученым всего мира	43
Всем студентам мира	46
Мы с вами – будьте с нами! Мы обращаемся к вам и когда наши слова глушат	48
Часть первая. Красная площадь	50
Запись очевидца демонстрации[2]	51
Что помню я о демонстрации	57
Рассказ Тани Баевой, восьмого участника демонстрации	65

Часть вторая. Дело о нарушении общественного порядка	72
В «полтиннике»	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Наталья Горбаневская
Полдень: Дело о
демонстрации 25
августа 1968 года на
Красной площади

© Наталья Горбаневская, наследники, 1969, 2007, 2016

© Людмила Улицкая, 2016

© Новое издательство, 2017

От издателя

Над документальной книгой о демонстрации 25 августа 1968 года Наталья Горбаневская работала в 1969 году, в 1970-м «Полдень» вышел в эмигрантском издательстве «Посев»; в СССР книга распространялась в самиздате.

В 2007 году Горбаневская подготовила и выпустила первое российское издание «Полдня», снабдив его предисловием, комментариями и приложениями. Настоящее издание дополнено документами, дающими представление о репрессиях, которым подверглась сама Горбаневская в 1969–1972 годах.

За помощь в работе издательств о искренне благодарит Алесю Кананчук (Архив Научно-исследовательского центра Восточной Европы, Бремен), Алексея Макарова (Международное общество «Мемориал») и Людмилу Улицкую.

«Надейся, еще полдень не сник»

В России инакомыслящих преследовали с давних времен. Некоторые историки считают, что первой значительной личностью, пострадавшей за свои убеждения, был князь Курбский. В этом же ряду – и Радищев, и Чаадаев. Список разнообразен: монахи, интеллектуалы, военные... В советское время, с 1960-х годов, он пополнился именами диссидентов – без их героических и трагических судеб история России XX века была бы неполна. Имя Натальи Горбаневской занимает одно из важных мест в этом списке.

Поэт, переводчик, журналист, участник правозащитного движения, Наталья Горбаневская была одним из основателей самиздатского журнала «Хроника текущих событий», который начал выходить в апреле 1968 года. 25 августа 1968-го она вместе с семьей друзьями вышла на демонстрацию против вторжения в Чехословакию советских войск и войск стран Варшавского договора. Все участники в тот же день были арестованы и вскоре осуждены, но Наташу отпустили, она оставалась на свободе еще год с лишним. На Красную площадь она пришла с коляской, в которой спал ее трехмесячный сын, и из-за маленького ребенка наказание отложили. За этот год Наташа успела составить документальную книгу о процессе над демонстрантами: «Полдень. Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади». Она

была арестована 24 декабря 1969 года и приговорена к принудительному лечению в Казанской психиатрической больнице.

«Полдень» – главная прозаическая книга Горбаневской – вышел впервые в 1970 году во Франкфурте. В это время Наташа еще находилась в ужасающих условиях «психушки». Освободили ее в 1972 году.

В 1975 году под давлением властей Горбаневская эмигрировала во Францию. Почти сорок лет она прожила в Париже. Работала в журнале «Континент», на радиостанции «Свобода», в газете «Русская мысль», в журнале «Новая Польша». Наталья Горбаневская – автор полутора десятков поэтических книг. Она много переводила: с польского, чешского, словацкого и французского.

В 2008 году Наташе было присвоено звание почетного доктора Люблинского университета. В 2013 году ее наградили почетной медалью Карлова университета за заслуги в борьбе за свободу, демократию и права человека.

Скончалась Наталья Горбаневская 29 ноября 2013 года, похоронена на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Сегодня, когда прошло почти пятьдесят лет со дня знаменитой демонстрации, давняя история продолжает изумлять. Многие так и не смогли это вместить: как можно было с трехмесячным ребенком идти на демонстрацию, подвергать его опасности? Думаю, что ситуация для Наташи сложилась так,

что она не могла не выйти на площадь. Перестала бы себя уважать. В стране, где народ потерял самоуважение, бесконечно важно однажды увидеть на Красной площади женщину с коляской, которая говорит «нет», когда все стыдливо опускают глаза. Ее поступок вызвал тогда у многих друзей смешанное чувство восхищения и ужаса – это просто безумие! Ужас – потому что нарушен священный женский закон сохранения и защиты потомства. Восхищение – потому что она защищала в этот момент свободу других людей, другого народа и другой страны. А также отстаивала чувство собственного достоинства нашего народа, который многомиллионно промолчал.

Да, она была человеком, выходящим за пределы «нормы». Она была поэтом, и поэтом прекрасным. Но разве поэт живет в рамках «нормы»? Одно это – за границей средних человеческих возможностей. У нее было обостренное чувство справедливости – это тоже за границей средних человеческих возможностей, и ее чувство справедливости перевешивало чувство страха, которое свойственно всем живым существам. Ею двигали честность, бескорыстие и сострадательность. Без этого ее не понять.

Теперь Наташи нет с нами, но мы можем всерьез задуматься о том, какое послание она оставила всем нам. И это послание – не только стихи, которые останутся с нами навсегда, не только «Полдень», но и вся ее жизнь.

Людмила Улицкая

«Герои или безумцы?»

Предисловие автора к первому русскому изданию

Таким вопросом – об участниках демонстрации против советского вторжения в Чехословакию – задавались журналисты и зрители в московской телепередаче второй половины 90-х, отрывки из которой я видела в посвященном нашей демонстрации четырехсерийном японском телефильме. Думаю, что составленная мной документальная книга «Полдень», которую вам предстоит прочитать, дает совершенно определенный ответ на этот вопрос – тот же ответ, который я дала в этом фильме японцам. Ни то и ни другое. Не герои и не безумцы. Просто люди, пожелавшие поступить по совести. Или даже скажем грубее: «очистить совесть». В этом смысле я часто говорю, что демонстрация была актом почти эгоистическим.

Сегодняшние читатели в большинстве своем просто не могут помнить обстановку тех дней: многие из вас тогда еще не родились, а у многих и родители еще не родились или были маленькими детьми. Когда было совершено вторжение войск Варшавского договора, главным образом советских, в Чехословакию, чтобы подавить тянувшуюся с января «Пражскую весну» – неслыханную демократизацию, на-

чатку компартией Чехословакии и явно зашедшую дальше самых либеральных коммунистических замыслов, — то это вторжение было объявлено «братской помощью», и вся советская печать была полна проявлениями «всенародного одобрения». Вы увидите это на документах в прологе книги.

Так вот, если даже один человек не одобряет «братскую помощь», то одобрение перестает быть всенародным. Но, чтобы это стало ясно, нам было мало «не одобрять», сидя у себя на кухне. Надо было в той или иной форме заявить об этом открыто. Цель, таким образом, была — отмежеваться от «всенародного одобрения», или, еще раз повторю, «очистить совесть». Мы этой цели достигли и потому были такими радостными в участке, куда нас свезли с площади (об этом см. в начале второй части книги).

От «всенародного одобрения» открыто отмежевались не одни мы, не только восемь демонстрантов с Красной площади, но еще по крайней мере десятки людей. Об этом см. эпилог книги и мою статью, написанную к 15-летию демонстрации и публикующуюся здесь в качестве послесловия. Десятки «отщепенцев» на 250 миллионов! Но мы себя не «считали» — не считали, сколько нас будет, и даже в случае такого действия, оказавшегося коллективным, как демонстрация на Красной площади, решали каждый за себя и каждый для себя. И каждый был готов выразить свой протест в одиночку.

Здесь, может быть, стоит сказать несколько слов об истории демонстрации — то, о чем я не могла писать ни в 1969

году, когда готовила книгу «Полдень», ни 15 лет спустя, когда писала нынешнее послесловие. Читая запись судебного процесса, вы заметите, что суд (см. часть третью), а до того и следствие (см. часть вторую) изо всех сил добивались ответов на вопросы о том, кто, как и откуда узнал о готовящемся акте протеста – или, по их терминологии, «грубом групповом нарушении общественного порядка». Ответов они не получили. Попробую рассказать то, что помню сегодня.

21 августа, в тот самый день, когда началось вторжение в Чехословакию, в Москве судили Анатолия Марченко, которому много лет спустя предстояло стать последней смертной жертвой уже «перестроечного» советского режима (он скончался в Чистопольской тюрьме после многомесячной голодовки 8 декабря 1986 года). Формально его судили за «нарушение паспортных правил». Фактически – за книгу «Мои показания», первое монументальное свидетельство о после сталинских (хрущевских и брежневских) политических лагерях, а также за протест против античехословацкой кампании в советской прессе (см. эпилог). Все мои друзья собирались идти к залу суда (в зал, как мы уже знали по опыту, не попасть). Одна я сидела дома с грудным ребенком.

Рано утром, включая свою «Спидолу» (транзисторный радиоприемник, на который мне поставили дополнительные диапазоны коротких волн), я рассчитывала поймать ту или иную западную радиостанцию. Надо сказать, что первые три недели августа западное радио почти не глушили (кроме

«Свободы») – Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкую волну» кое-как удавалось слушать. «Спидола» встретила меня даже не глушилкой: на той волне, которая у меня была установлена, громко и ясно вещала радиостанция «Маяк». Я услышала сообщение ТАСС. Я тут же позвонила Ларисе Богораз: «Лара, они ввели войска». Тут надо прибавить, что опасность вторжения казалась почти неминуемой за месяц до этого, в июле, а после переговоров советских и прочих коммунистических лидеров с чехословацкими в Черне-над-Тиссой как будто все успокоилось. Позже я припомнила один-единственный признак, который должен был бы насторожить: в середине августа из московских киосков исчезла вся чехословацкая пресса.

Я сидела одна дома и не знала, что с моими друзьями – там, у суда над Толей. Если можно ввести войска в Чехословакию, то еще проще всех перехватать и пересажать, тем более что под шум вторжения никто на Западе этого и не заметит («не до грибов нынче, Петька...»). Но нет, этого не произошло.

Я думала: что делать? Демонстрация представлялась мне единственным осмысленным актом – единственным по-настоящему *демонстративным*. При этом я по природе не склонна к такому виду протеста – мне лучше сидеть за машинкой, перепечатывать самиздат, редактировать письма протеста или, чем я занималась с апреля того года, составлять «Хронику текущих событий». Но тут я чувствовала, что

ничем таким не могу ограничиться. Демонстрация – и только.

Но то же самое решили и мои друзья, находившиеся у зала суда. Надо было только договориться, где и когда. О месте и времени мне сообщила Лариса. Мы встретились у Людмилы Ильиничны Гинзбург, матери сидевшего в лагере Алика Гинзбурга, – в доме, куда мы все приходили как к себе домой, где, кстати, я за полтора года до этого (Алик уже сидел) и познакомилась и с Ларисой, и с Толей Марченко, и с Павлом Литвиновым. Я пришла туда 23 августа с трехмесячным сыном прямо с допроса по делу Ирины Белгородской, арестованной за распространение нашего (восьми друзей Анатолия Марченко) письма в его защиту.

Лара сказала мне главное: Красная площадь, ровно в двенадцать, у Лобного места, лицом к Историческому музею. Чтобы не спутать демонстрантов с прочими (в том числе нашими друзьями, готовыми пойти на площадь, чтобы быть очевидцами происходящего, а если понадобится, то и свидетелями), садимся на парапет, окружающий Лобное место. Чтобы сидящих участников демонстрации легко было отличить от окружения.

Накануне из Ленинграда приехал Виктор Файнберг. Он пришел ко мне и с порога заявил: «Надо провести демонстрацию. Мои ленинградские друзья говорят, что в Москве не такие сумасшедшие, чтобы выходить на демонстрацию. Но я решил, что тогда я пойду к генералу Григоренко и мы с

ним хоть вдвоем устроим демонстрацию». Я успокоила его, объяснив, что Петра Григорьевича все равно нет в Москве, он в Крыму, с крымскими татарами (в то время явочным порядком переселявшимися в Крым и подвергавшимися за это преследованиям), а мы, москвичи, не такие уж «не сумасшедшие» и как раз задумали демонстрацию. Завтра, сказала я, буду знать, где и когда. Потом он пришел, и я ему сообщила. Поскольку его судьба оказалась самой тяжелой (см. часть четвертую), я всегда терзалась, что своими руками послала его на муки. Но если б я ему не сказала – он бы мне этого никогда в жизни не простил.

О предстоящей демонстрации знало очень много людей: все мы говорили о ней знакомым, заслуживающим доверия, а главное – тем, кто, по нашим понятиям, горько сожалел бы, что не знал и не принял участия. Так, кстати, произошло с Анатолием Якобсоном. Он был на даче, и Лариса просила его жену Майю Улановскую, политзаключенную сталинских времен, передать ему. Майя, желая уберечь Тошку от ареста, не передала. Так могло произойти и с Вадимом Делоне. За год до этого он получил условный приговор за демонстрацию на Пушкинской площади в защиту арестованных. И мы все твердили друг дружке: «Только Вадика не говорите. С нами еще неизвестно что будет, а на нем уже срок висит». Этот всеобщий заговор молчания, по счастью, нарушила Галина Габай, жена Ильи Габая, которого в это время не было в Москве. И для Вадима эта демонстрация, как ни для кого

из нас, стала «звездным часом».

Я все говорю «мои друзья», «мои друзья» — так я ощутила уже после демонстрации (и до сих пор так чувствую). Но до демонстрации друзьями были только Лариса и Павел. Вадика я тогда знала мало, подружился мы уже после его освобождения из лагеря, а потом эта дружба продолжалась в эмиграции до самой его ранней смерти. Виктора Файнберга до его приезда в Москву встретила один раз, когда была весной в Ленинграде, собирая материалы для первого выпуска «Хроники текущих событий». Таню (Татку) Баеву встречала у Якиров, она дружила с Ирой Якир. О Косте Бабицком слышала, но никогда до Красной площади его не видела. Про Дремлюгу вообще ничего не знала. А он был у суда над Марченко, там и узнал про замысел демонстрации. Он как-то очень лично за Толю переживал, а вдобавок была в нем известная лихость: таким только и ходить на демонстрации.

Несколько людей излагали мне свои объяснения, почему они на демонстрацию не пойдут. (Думаю, что и у остальных были подобные разговоры.) Но я-то считала — да и каждый из нас так считал, — что известить о демонстрации не значит позвать на нее да еще настаивать. Нет, как кто решит — так и будет. До последней минуты я не знала, сколько нас будет и кто будет. Точно знала, что идут Лара, Павлик, Витька и Костя. Но дойдут ли? За Ларисой и Павлом все время ходили «хвосты». Удастся ли им оторваться и беспрепятственно добраться до площади? Ну, если уж никто не дойдет, буду

демонстрировать одна, укреплю плакаты на детской коляске и сяду у Лобного места... К счастью, оказалась не одна.

Я не буду здесь говорить о значении демонстрации – об этом сказано в послесловии. Расскажу еще немного об истории книги, которая лежит перед вами.

Документальную книгу «Полдень» я составляла около года, закончила к 21 августа 1969-го – годовщине вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию – и выпустила в самиздат. Но первым деянием по составлению будущей книги стала для меня работа над последними словами пяти демонстрантов и защитительной речью Ларисы Богораз. На этот раз, на удивление, в зал суда впустили много родственников, причем не только прямых и действительных – так, Людмила Алексеева и Михаил Бурас проходили как двоюродные сестра и брат Ларисы, хотя на второй день их все-таки не впустили. Но было много и настоящих родных и двоюродных, которым удалось сделать записи. Из этих клочков надо было восстановить сказанное.

Мы делали это, сидя большой компанией у нашей самиздатской машинистки, кандидата биологических наук Маруси Рубиной, в Телеграфном переулке. Что-то выходило из коллективной работы, что-то не получалось. Труднее всего оказалось восстановить последнее слово Павла Литвинова. Ему часто шутя говорили: «Павлик, да научись ты говорить ясно – тебе же придется последнее слово произносить». Вот и пришлось. Из записей никак не складывался цельный

текст. В конце концов я сказала: «Дайте мне все эти записи, я дома восстановлю. Я знаю, что он хотел сказать». Помню, как возмутилась Таня Великанова: ей показалось, что я — зная, что он хотел сказать, — сочиню за него. Но когда на следующий день принесла готовый текст, все удивились: «Да, именно так он и говорил». Последние слова и речь Ларисы ушли в самиздат буквально через два-три дня после суда.

Я решила составлять книгу о демонстрации. Книги такого рода уже имели традицию: Александр Гинзбург составил книгу о деле Синявского и Даниэля, Вячеслав Черновол (Чорновил) — об украинских процессах 1965 года, Павел Литвинов — о деле о демонстрации на Пушкинской площади в январе 1967 года. Он же начал составлять «Процесс четырех» — о деле Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Веры Лашковой и предавшего их подельника Алексея Добровольского, — потом законченный Андреем Амальриком. Но мой случай был особый: я была не посторонним составителем, редактором, очевидцем, а участницей демонстрации (о том, как я оказалась единственной не арестованной после демонстрации, вы тоже прочтете в «Полдне»). Тот же Амальрик резко выразил сомнения в том, имею ли я право стать автором книги о демонстрации. Не могу сказать, что я, слыша такие возражения, не усомнилась в своем праве, — и все-таки решила: нет, это мое дело.

Самым главным и трудным делом было составить полную запись суда. Ее точно так же пришлось восстанавливать по

ключкам. Но тут я получила драгоценную, незаменимую помощь от Софьи Васильевны Калистратовой, защитника Вадима Делоне и нашего большого друга. Еще до демонстрации она во многом формировала наше правовое сознание и просто правовые знания. О том, что будет демонстрация, мы ее известили – она восприняла это с горечью, но обещала, если понадобится, меня защищать. Защищать меня ей пришлось только в 1970 году, в частности и по обвинению в составлении книги «Полдень».

Софья Васильевна внимательно прочла и поправила запись суда и кассационного процесса. Потом она показала запись Дине Исааковне Каминской, защищавшей Павла Литвинова, и та внесла дополнительные поправки. Помню, что, когда я приехала осенью 1969 года в ссылку к Ларисе и привезла чудом уцелевший на прошедшем перед моим отлетом в Сибирь обыске «Полдень», она внимательно при мне прочла и нашла какую-то единственную неточность. К сожалению, я тогда не записала, так что теперь не исправить...

Все это тянулось долго. Я собирала материалы, обратилась ко всем, кто мог бы написать о площади, о суде. Включенная в книгу статья Ильи Габая написана по моему заказу. Я ему сказала (это был май 1969 года), что статья нуждается в редакции. Он дал мне картбланш, а через несколько дней был арестован. Имея в виду четвертую часть книги, «Судьба Виктора Файнберга» (а отчасти и предчувствуя свою будущую судьбу), я попросила Петра Григорьевича Григоренко

написать очерк о психиатрических больницах специального типа – в такую больницу, точнее психиатрическую тюрьму, был отправлен Виктор. Первая часть «Полдня» начинается с записи безымянного очевидца. Ее автор – друг моих друзей Александр Самбор. В третьей части очерк Ильи Габая «У закрытых дверей открытого суда» дополнен еще двумя свидетельствами безымянных очевидцев. Одно из них принадлежит Владимиру Гершуни, другое, предваряющее запись процесса, – и до сих пор не знаю, кому: кто-то из наших друзей записал рассказ человека, постороннего нашему кругу, и доставил мне его. Есть в моем тексте и ссылка на кого-то из присутствовавших в зале суда, даже на сделанные этим человеком записи, но кто это был – теперь уже не вспомню. В последний момент, когда «Полдень» уже был готов, прибавилось свидетельство Татьяны Баевой (об этом сказано в книге – в первой части, завершающейся ее рассказом).

Запись судебного процесса представляется мне центральным и самым ярким материалом книги. Там есть все: и мотивировки, и характеры, и обстоятельства времени и места. Все это еще во время подготовки рукописи представлялось мне удивительным драматическим произведением, сочиненным самой жизнью.

Рукопись, конечно, была не рукопись, а машинопись: я печатала начерно, вносила правку, а начисто перепечатывала Надя Емелькина, одна из наших самоотверженных самиздатских машинисток (с ней же мы печатали летом 1969 го-

да «Хронику текущих событий» в пустой квартире Габаев – Илья был арестован, а Галя с сыном уехала на каникулы, – тут я просто диктовала ей с совершенных черновиков). Занятие это было очень напряженным, каждый день можно было ждать обыска, а бывали моменты, когда готовая часть черновика и все семь перепечатанных с нее беловиков лежали у меня под кроватью. Обыски мне снились до самого 21 августа, пока я не раздала семь готовых беловых экземпляров. И тут как отрезало – больше мне обыски не снились. Другое дело, что потом я пережила два реальных обыска, но на обоих чудом уцелели драгоценные материалы: на первом – целая сумка с самиздатом, приготовленная для поездки в Сибирь, к ссыльным Богораз и Литвинову, в том числе и два машинописных экземпляра «Полдня»; на втором, в день ареста (24 декабря 1969 года), – черновые материалы к 11-й Хронике.

В 1970 году, когда я уже сидела, «Полдень» вышел в издательстве «Посев». В 1990 году я встретила в Праге переводчицу Яну Клусакову, которая осенью 1969-го вывезла фото пленки из Москвы в Прагу – на своем беременном животе, под просторной юбкой, – а оттуда переправила их в Мюнхен, в книжный магазин Нейманиса. Там уж, видно, сами решили, куда это отправить. В том же 1970-м книга вышла по-французски, а потом по-английски и по-испански. О несостоявшемся немецком издании я пишу в послесловии.

По-чешски «Полдень» не вышел и до сих пор, хотя уже в 1990 году был переведен и издательство «Лидове новины»

объявило о скором выходе книги¹. Зато в 2006 году вышел наконец польский перевод, который делался еще в подполье и тоже был готов к 1990-му, когда наступила свобода, а с ней и свободный рынок, в результате чего деньги на издание нашлись только через 16 лет. Польские друзья – не только мои, но и Чехословакии, вrocławяне из созданной в подполье «Польско-чехословацкой солидарности», – все эти годы искали возможность выпустить «Полдень» по-польски. В Чехословакии (тогда еще не разделенной) у издательства, по-моему, просто пропал интерес.

В России книга выходит впервые.

Наталья Горбаневская, Париж, июль – август 2007

¹ В Чехии «Полдень» был издан в 2012 году: *Gorbaněvská N. Poledne. Praha: Torst, 2012. (Примеч. ред.)*

Пролог

**И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною. Только Дух Свя-
тый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы
и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не
дорожу своею жизнью, только бы с радостью совер-
шить поприще мое и служение...**

Деяния апостолов, гл. 20, ст. 22–24

Всему народу Чехословацкой Социалистической Республики

Вчера, 20 августа 1968 г., около 23 часов, войска СССР, Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики и Народной Республики Болгарии перешли государственную границу ЧССР. Это произошло без ведома президента республики, президиума Национального собрания, президиума правительства и первого секретаря ЦК КПЧ и всех этих органов. Все эти часы проходило заседание президиума ЦК КПЧ, посвященное подготовке XIV съезда партии. Президиум ЦК КПЧ призывает всех граждан сохранять спокойствие и не оказывать сопротивления продвигающимся войскам, поскольку сейчас защитить наши государственные границы невозможно.

Поэтому наша армия, госбезопасность и народная милиция не получили приказа о защите страны. Президиум ЦК КПЧ считает совершенный акт противоречащим не только основным принципам отношений между социалистическими странами, но и отрицанием основных норм международного права. Все ведущие активисты партии и Национального фронта остаются на своих местах, на которые они были избраны

как представители народа и члены своих организаций согласно законам и другим установлениям, действующим в ЧССР. Руководящие органы немедленно созывают заседание Национального собрания и правительства республики, а президиум ЦК КПЧ созывает пленум ЦК партии для обсуждения создавшегося положения.

Президиум ЦК КПЧ «Праге», 21 августа 1968

REBEL

а основана
1912 года
ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

No 234 (182841)

Среда, 21 августа 1968 г.

Цена 3 коп.

ЯВЛЕНИЕ ТАСС

...и что партии и государственные деятели Социалистической Республики обратились к Советским союзным государствам с просьбой об оказании помощи народу Чехословакии, включая вооружение. Это обращение вызвано угрозой, которую представляют в Чехословакии социалистическому строю существующей государственности со стороны контрреволюционных и фашистских элементов, действующих в сплотившихся в спонсор с враждебными социализму государствами и вокруг нее были неоднократно предприняты руководители британских социалистических стран, включая Чехословакию. Эти страны едины в том, что безопасность и защита социалистических завоеваний народов интернациональным долгом всех социалистических государств. Эта торжественно провозглашена и будет достигнута в ближайшем будущем.

стремные обстановка в Чехословакии затрагивает жизнь Советского Союза и других социалистических стран, поэтому государства социалистического содружества, Угрозам миру в Чехословакии представляет собой вместе с европейского мира.

тельство и правительства союзных стран — Народной Республики Венгрии, Германской Республики, Польской Народной Республики, в неслыханно дружбы и сотрудничества в соот-

вместии с существующими договорными обязательствами, решили пойти навстречу упомянутой просьбе об оказании братскому чехословацкому народу необходимой помощи.

Это решение находится в полном соответствии с правом государства на индивидуальную и коллективную самооборону, предусмотренным в союзнических договорах, заключенных между братскими социалистическими странами. Оно отвечает также коренным интересам наших стран в отстаивании европейского мира против сил фашизма, агрессии и развала, не раз высергавших народы Европы в войны.

Советские воинские подразделения вместе с войсками подразделениями называемых союзных стран 21 августа вступили на территорию Чехословакии. Они будут немедленно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза занятием социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти соотут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости.

Предпринимаемые действия не направлены против какого-либо государства и ни в какой мере не ущемляют чужих-либо государственных интересов. Они служат цели мира и продиктованы заботой о его укреплении.

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне сплоченную солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырывать ни одного звена из содружества социалистических государств.

Коммунистическим и рабочим партиям всего мира!

Товарищи! Сегодня Чехословацкая Социалистическая Республика против воли правительства, Национального собрания, руководства КПЧ и всего народа была оккупирована войсками пяти стран Варшавского договора.

Поскольку здание ЦК КПЧ, где заседает президиум ЦК КПЧ, занят оккупационными войсками, городской комитет КПЧ Праги обращается ко всем коммунистическим и рабочим партиям:

Товарищи, протестуйте против этого беспримерного нарушения социалистического интернационализма! Требуйте от центральных комитетов коммунистических партий СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и ГДР, чтобы, несмотря на временное присутствие оккупационных войск, не была парализована деятельность ЦК во главе с А. Дубчеком и деятельность правительства Черника!

Требуйте немедленного вывода оккупационных войск!

Мы призываем вас обсудить необходимость немедленного созыва совещания коммунистических и рабочих партий, которое заняло бы соответствующую по-

зицию к акту беззакония против чехословацкого народа и его КПЧ.

Одновременно президиум решил информировать о создавшемся положении румынское и югославское посольства и требовать от них передачи сообщений центральным комитетам их партий. Желательно, чтобы эти страны в ускоренном порядке рассмотрели ситуацию, возникшую в ЧССР.

Городской партийный комитет заверяет пражан, что он полностью функционирует и просит о полной поддержке своих мероприятий.

Пражский горком КП «Вечерни Прага», 21 августа 1968

Всем профсоюзным организациям мира!

В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. Чехословацкая Социалистическая Республика была оккупирована войсками Советского Союза, Польской Народной Республики, ГДР, Народной Республики Болгарии и Венгерской Народной Республики.

Это произошло без ведома президента ЧССР, правительства, Национального собрания и Центрального Комитета Коммунистической партии. Эта безосновательная, вероломная оккупация нашей страны прямо противоречит международному праву и Уставу Объединенных Наций. Наша страна была оккупирована, потому что мы хотим прийти к гуманному и глубоко справедливому социализму путем, который наиболее соответствует нашим условиям и возможностям.

Мы призываем вас от имени пяти с половиной миллионов членов чехословацких профсоюзов, от имени всех трудящихся, чтобы в интересах человечества вы всеми силами протестовали против этого насильственного акта.

Секретариат Центрального совета профсоюзов и председатели центральных комитетов профсоюзов

"Комсомольская правда", 22 августа 1968 г.

6

ЩИТУ ЗАВОЕВАНИЙ СОЦИАЛИЗМА

ЕДИНОДУШНО ОДОБЯЮТ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА В СОЮЗНЫХ СТРАНАХ, КОТОРЫЕ РЕШАЛИ ПОЙТИ НАВСТРЕЧЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЛТРАМ ЧЕХОСЛОВАККОЙ РЕПУБЛИКИ ОБ ОКАЗАНИИ БРАТСКОМУ ЧЕХОСЛОВАККОМУ ПОМОЩИ В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ВОЗНИКЛА В ЭТОЙ СТРАНЕ

репления завоеваний социализма в братской стране.

Завод имени Владимира Ильича. В резолюции, принятой единогласно, труженики предприятия выразили уверенность, что передовые силы Чехословакии победят про-и-ски реакции.

— Мне, как участнику кинувшей вой-

на, — сказал саксар В. В. Айдарханов, —

хорошо помнится дни, когда советские

войска освобождали народы Европы от фа-

шистского ига. Участники этих событий

знают, какой дорогой ценой досталась нам

победа над гитлеризмом. Мы хорошо по-

ним, с какой радостью встречали советских

воинов-освободителей, трудившихся Чехосло-

ваки. И вот теперь мы вновь протяну-

ли руку помощи народу ЧССР.

Алкогола имени Анжасты. На всех уча-

стках, во всех цехах автозавода была при-

жиг делом мира.

иты резолюции, одобряющие оказание братскому чехословацкому народу неотлож-ной помощи.

ЛЕНИНГРАД

На митинге строителей паровых турбин Металлического завода имени ХХП съезда КПСС слово взял фрезеровщик Н. В. Перлов.

— Сегодня мы узнали, что по просьбе партийных и государственных деятелей Чехословакии войска пяти стран — участники Варшавского Договора введены в Чехословакию. Социалистическую Республику — заявил он. — Это очень правая мера и своевременная мера, предпринятая для защиты завоеваний социализма в Чехословакии.

Митинг состоялся сегодня также в объединении «Электросила», на Кировском заводе, на предпринятии Станко-строительной фирмы имени Я. М. Свердлова, на многих других заводах, фабриках, учреждениях. В резолюциях, принятых единогласно, отмечается, что неотложная интернациональная помощь братской Чехословакии способствует делу мира.

БАКУ

В объединенный перерыв несколько сот рабочих Бакинского завода нефтяного машиностроения имени Ю. Касимова собрались, чтобы поделиться мыслями.

— Мы полностью поддерживаем и одобряем действия Советского правительства и правительства других социалистических стран, решивших оказать братскую помощь чехословацкому народу, — заявила толпа Асиф Гусенин.

ТАШКЕНТ

— Мы знаем, что трудовой народ Чехословакии предан всем социализму, — сказал на многотысячном митинге коллектив завода «Таштотекстальмаш» мастер А. П. Коротков. — Но здесь мы и то, что импералисты падают против этой страны, мы, ползуясь подержкой, кучка или же оскорбленных отношений, пытаются вывести народ Чехословакии из строя, на штыки социалистических завоеваний ЧССР.

21 августа.

(ТАСС).

Воззвание к Всемирному совету мира

Уважаемые друзья!

На этот раз с горечью в сердцах обращаемся к вам мы, до сих пор стоявшие в передовых рядах тех, которые всегда осуждали насилие, агрессию, где бы они ни происходили, кто всегда выражал свою активную солидарность с жертвами насилия.

Ныне мы – жертвы насилия! Ныне мы – те, кто требует солидарности. Нас обвиняют в чем-то, чего мы не допустили и допустить не хотели. Если кто-либо может об этом судить, так это вы, всегда сотрудничавшие с нами: вы знаете наши взгляды, и не только взгляды, но и наши конкретные действия.

Если бы мы были захвачены империалистической армией, это было бы болезненно; но быть жертвой агрессии своих лучших друзей – это невероятно, это вызывает недоверие между всеми прогрессивными и миролюбивыми силами. Мы хотели свободной, социалистической и демократической Чехословакии как нераздельной части социалистического лагеря. Мы хотели глубоко гуманного социализма, в котором действительно будет править народ. Мы – члены Варшавского договора, который должен был защитить от агрессии империализма, но не защитил нас от оккупа-

ции со стороны друзей.

Поскольку Всемирный совет мира всегда занимал определенную позицию по отношению к любой агрессии, против любого нарушения прав человека, мы ожидаем, что он поступит так и сейчас. Мы просим вас: поддержите наше ясное и бескомпромиссное требование, оккупанты должны быть немедленно выведены из нашей страны, если что-то еще можно сохранить. Это не только в наших интересах, но и в интересах всего социалистического лагеря и мира во всем мире.

Мы надеемся на вас! Информируйте все комитеты мира, ведь речь идет о мире во всем мире!

Чехословацкий комитет защиты мира

Прага, 22 августа 1968

ВОЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЕДИНА И НЕПОКОЛЕБИМА

Все советские люди твердо и решительно поддерживают действия, предпринятые для защиты дела социализма и мира

МОСКВА

Многотысячный коллектив Московского автозавода имени И. А. Лихачева единодушно одобряет действия Советского правительства и правительства других социалистических стран, направленные на защиту и укрепление социалистического строя в Чехословакии, на оказание помощи братскому чехословацкому народу в борьбе против общегосударственной контрреволюции.

На собрании в пресловом коридоре наладчик Н. Г. Мачин заявил:

— Я участвовал в освобождении Чехословакии от фашистских захватчиков. Я хорошо помню, с какой силой встречал народ этой страны нашу армию-освободительницу. И я не сомневался, что подавляющее большинство населения Чехословакии с одобрением встретит помощь социалистических стран, которая продиктована заботой об интересах социализма и мира.

Собрания и митинги проходят на других предприятиях, в учреждениях, в творческих организациях интеллигенции. Москвичи единодушно одобряют решения правительства братских социалистических стран об оказании помощи чехословацкому народу, выражают твердую уверенность в том, что чехословацкие коммунисты, все трудящиеся обязаны раскопавшие силы контрреволюции, укрепят социалистический строй в своей стране. Советские люди шлют горячие приветствия своим славным и мужественным сынам — солдатам, сержантам, офицерам, которые с честью и достоинством выполняют на земле братской Чехословакии свой высокий долг патриотов в интернационалистах.

Более двухсот человек участвовало в собрании москвичей, выразили пол-

ное слово представляется во главе Л. Татьянчиковой. С возмущением говорит она о том, что контрреволюционные силы в Чехословакии, подстрекаемые и поддерживаемые извне, угрожают социалистическому строю этой братской страны. Советские писатели, как и все советские люди, горячо поддерживают принимаемые меры, которые послужат укреплению социалистического строя Чехословакии. По-братски, по-дружески мы помогаем нашему брату, на свободу которого покушаются враги социализма.

На трибуне — писатель Г. Марков. Заявление ТАСС, подчеркивает оратор, — документ огромного значения, выражающий чувства миллионов советских людей, граждан нашего великого социалистического Отечества. Нас, советских литераторов, продолжает он, с Чехословакией связывают многие годы искреннего братства и дружбы. Нет сомнения, что в чехословацкой литературе, как и во всем чехословацком народе, существуют могучие силы, способные разгромить черные замыслы реакции.

На собрания также выступили писатели Б. Кербабаев, А. Шарипов, И. Виноградов, Б. Соловьев, Е. Радиков, секретарь МК КПСС А. Шапошников. Все ораторы горячо поддерживают меры, предпринятые правительством СССР и правительствами других социалистических стран, направленные на защиту социалистических завоеваний братской Чехословакии.

БАЛХАШ

Тысячи тружеников Балхашского ордена Ленина горно-металлургического комбината имени 50-летия Октябрьской революции, собравшись на митинг, выразили пол-

ное слово представляется во главе Л. Татьянчиковой. С возмущением говорит она о том, что контрреволюционные силы в Чехословакии, подстрекаемые и поддерживаемые извне, угрожают социалистическому строю этой братской страны. Советские писатели, как и все советские люди, горячо поддерживают принимаемые меры, которые послужат укреплению социалистического строя Чехословакии. По-братски, по-дружески мы помогаем нашему брату, на свободу которого покушаются враги социализма.

Мы, советские люди, — сказал писатель Д. Шахматов, — не допустим, чтобы добытые в совместной борьбе завоевания чехословацкого народа, его успехи в социалистическом строительстве были уничтожены контрреволюцией при поддержке международного империализма.

В. ГАНЮШКИН.
(Спец. корр. «Правды»)

БАКУ

Старшее предприятие нефтяного машиностроения — завод имени Касимова расположен в гуще промыслов Ленинского района. Единодушное одобрение вызвало у всех здешних нефтяников решение Советского правительства и правительства союзных стран оказать необходимую помощь братской Чехословакии.

— Все мы с неослабным вниманием и трепетной следили за развитием событий в Чехословакии, — заявил на митинге слесарь Н. Костин. — Лично мне особенно дорога и близка Чехословакия: я был в составе Советской Армии, освобождавшей ее народы от фашизма. Решение Советского правительства и правительства союзных стран отвечает интересам всех народов, строящих новую жизнь.

— У советских людей, у всех братских народов сильно развито чувство локтя, —

Обращение делегатов XIV чрезвычайного съезда КПЧ к коммунистическим партиям всего мира

(22 августа 1968, после полудня)

Мы обращаемся к коммунистическим и рабочим партиям всего мира, в особенности к партиям и народам Советского Союза, ПНР, НБР, ГДР, ВНР, войска которых оккупировали нашу страну.

В январе наша партия вступила на путь возрождения социализма. Она начала в большой мере развивать его демократические и гуманные принципы в соответствии с условиями нового этапа нашего пути. Она верила, что принципы суверенитета и невмешательства будут уважаться и все спорные вопросы будут решены путем переговоров. Из этого исходило руководство нашей партии во всех послеянварских переговорах – двусторонних и многосторонних. Эта политика, включенная в «Программу действий» ЦК КПЧ, снискала нашей партии небывалый авторитет и поддержку. Обеспечение и укоренение этого пути должно было быть предметом обсуждения на XIV чрезвычайном съезде, подготовка к которо-

му уже заканчивалась. Накануне этого съезда войска СССР, ПНР, НРБ, ГДР и ВНР без какого бы то ни было повода и без согласия законных правительственных и партийных органов, против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути. Мы стоим перед горькой правдой: войска государств, в которых мы привыкли видеть друзей, ведут себя как оккупанты. Конституционные органы нашего государства и представители партии не могут продолжать выполнение своих функций. Они не имеют возможности обсудить возникшую ситуацию в нормальных конституционных формах. Они не имеют никакого доступа к средствам связи. Видные руководители интернированы. Нет сомнений в том, что эти действия должны привести к пагубным последствиям для всего международного коммунистического движения. Мы заявляем, что наш народ, а с ним и наша коммунистическая партия никогда не согласятся с такими действиями, отвергают их и сделают все для обновления нормальной жизни в нашей стране.

С этой целью по требованию и пожеланиям коммунистов и всей общественности собралась большая часть делегатов чрезвычайного XIV съезда, законным путем избранных на районных и областных кон-

ференциях, они обращаются к вам с настоящим призывом и просьбой о помощи.

СОВЕТСКИЙ НАРОД ВЫПОЛНИТ СВОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

ВО ИМЯ СВЕТОЛОГО БУДУЩЕГО

Как и все советские люди, и дружно чехословацкий народ, с большим уважением относился к его истории, к его культуре, к его достижениям. Этот народ добился немалых успехов в социалистическом строительстве. И я верю в его доброе будущее, верю, что трудящиеся Чехословакии с братской помощью, оказываемой Советским Союзом и другими социалистическими странами, сумеют преодолеть сопротивление сил внутреннего репрессия. Чехословакия была, есть и будет социалистической!

Ян СУДРАБАКЛН.
Народный поэт
Латвийской ССР.

г. Рига.

Нерушимая солидарность

Обстановка, сложившаяся в Чехословакии, не может не волновать советский народ. Нельзя позволить контрреволюционному отторжению Чехословакию от социалистического лагеря. Я, как и все советские люди, горячо одобряю меры, предпринятые Советским правительством и правительствами других братских социалистических стран. Эти меры продиктованы интересами безопасности государств социалистического содружества и прежде всего самой Чехословакии. Угрозе реакции необходимо противопоставить нерушимую солидарность трудящихся.

Обострение обстановки в Чехословакии затрагивает не только жизненные интересы социалистических стран, но и представляет угрозу устоям европейского мира и безопасности. Поэтому меры по оказанию необходимой помощи братскому чехословацкому на-

ЕДИНОДУШИЕ

МОСКВА

В Москве продолжаются митинги и собрания, на которых рабочие, служащие, деятели науки и культуры, все трудящиеся выражают свою безраздельную поддержку ленинскому Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству в их активной и последовательной внешнеполитической деятельности, направленной на обеспечение жизненных интересов советского народа и народов братских социалистических стран, на поддержку всех революционных, антиимпериалистических сил в совместной борьбе за дело мира, демократии и социализма.

В резолюциях, принимаемых трудящимися, выражается твердое убеждение, что попытки реакционных элементов в Чехословакии осложнить положение в стране, разжечь националистическую истерию и повести вражду к Советскому Союзу и другим странам социализма потерпят полный провал.

Комбинат «Трехгорная ма-
нуфактура». Отделочница
З. И. Медведева заявляла в
своем выступлении:

— Советские люди хорошо понимают, что прочный мир на земле может обеспечить только единство социалистических стран, крепкая дружба между братскими народами. Исходя из принципов нерасторжимой дружбы и сотрудничества, наше правительство, правительства союзных стран на деле оказывают братскому чехословацкому народу необходимую помощь в защите его социалистических завоеваний от посягательств внутренней контрреволюции, которую поддерживает империалистическая реакция извне. Мы полностью одобряем и поддерживаем это решение.

Первая образцовая типогра-

поддержанные империализмом, пытаются сорвать строительство социализма в стране, связанной с нами нерушимыми узами братства и союзов.

— Необходимо остановить тех, кто пытается угрожать миру в Европе, — сказал инженер, бывший воин Уральского добровольческого танкового корпуса, участвовавшего в освобождении Чехословакии от фашистских захватчиков, П. Логинюк. Коллектив Уралмашзавода полностью поддерживает твердую и решительную волю коммунистических партий и народов братских стран: никому и никогда не будет позволено вырвать из одного звена из содружества социалистических государств. Мы еще теснее сплотимся вокруг нашей ленинской партии, будем неустанно работать над осуществлением планов коммунистического строительства.

В. ДАНИЛОВ.
(Корр. «Правды»).

ТАШКЕНТ

На митинге ордена Ленина завода «Таштекстильмаш» выступавшие говорили: Мы не можем допустить, чтобы контрреволюционные силы, поддерживаемые империалистами, отняли у чехословацкого народа социалистические завоевания, добытые им в трудной борьбе. В доме брата случилась беда, и помочь ему — наш прямой долг.

На митинге Научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии имени Семашко выступили участники боев за освобождение Праги: кандидат медицинских наук З. Далинов, заведующий отделением Т. Н. Абдуллаев и врач В. М. Бочков.

— Советские люди хорошо знают, — сказал Т. Н. Абдуллаев, — какой ценой досталась

Для того чтобы иметь возможность свободно продолжать наш социалистический путь, необходимо выполнить следующие требования:

1. Немедленно освободить всех интернированных представителей партии, правительства, Национального собрания, Чешского национального совета и Национального фронта и дать возможность им, а также президенту республики беспрепятственно выполнять свои функции.

2. Немедленно восстановить все гражданские права и свободы.

3. Незамедлительно начать ускоренный вывод оккупационных армий. Чрезвычайный XIV съезд партии заявляет, что он не признает никаких других представителей партии и правительства, кроме тех, которые были избраны надлежащим демократическим путем.

В связи с трагическими последствиями оккупации нашей страны для дела социализма просим вас, товарищи: Политически поддержите наше справедливое дело и выскажите свои взгляды представителям партий, ответственных за действия в отношении нашей страны. Рассмотрите возможность и желательность созыва совещания коммунистических и рабочих партий, в переговорах с которыми участвовала бы и наша

делегация. Вступайте в контакт лишь с теми представителями нашей партии, которые будут избраны на этом съезде.

Защитите человеческое лицо социализма. Это наш интернациональный долг.

*Делегаты XIV чрезвычайного съезда КПЧ «Руде право»,
23 августа 1968 (спецвыпуск к съезду)*

СТОЯТЬ ДЕЛО СОЦИАЛИЗМА!

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЕДИНОДУШНО ОДОБРЯЮТ ПОМОЩЬ НАРОДУ ЧЕХОСЛОВАКИИ

ЗНАМЕНЕМ НАЦИОНАЛИЗМА

СЛОВО ВЕТЕРАНОВ

С одобрением встретили мы решение правительства Советского Союза и других социалистических стран оказать братскому чехословацкому народу всеполющую помощь в защите социалистического строя. Сложившаяся там положение особенно глубоко волнует нас — бывших партизан, воювавших в Чехословакии.

Летом 1944 года наша партизанская группа оказалась в Восточной Словакии, где в то время находилось народное сопротивление против фашистских порабощителей.

Никогда нам не забыть, с какой искренней радостью встречались мы братья-словаки. Они делились с нами последние куски хлеба. Булавало каждый день из приюта пополнение из местного населения. Шли все: мужчины и женщины, старики и подростки, часто целыми семьями. Вскоре наш небольшой отряд вырос в крупное партизанское соединение.

Много бойцов нашего соединения — людей разных национальностей — погибло во имя того, чтобы в Чехословакии восстановился социализм. И вот в наши дни решение правительства Советского Союза и других социалистических стран оказать братскому чехословацкому народу всеполющую помощь в защите социалистического строя — это для нас не только радостное событие, но и гордость.

ВЛАДИВОСТОК. ПРОЛЕТАРСКАЯ

24 августа. (По телеграфу от соб. корр. «Известий» П. Деминаева). На призывах, строящих в союзных и зарубежных Приорского края прошлых собраний, мы были, боссы. Везде единодушно одобряются исключительные действия Советского правительства и правительства других социалистических стран по оказанию помощи братскому чехословацкому народу.

Вот что говорят призывы. ВЛАДИВОСТОК. Ректор Дальневосточного политехнического института М. Г. Морозов:

— Завоевание социализма в Чехословакии — дело не только чехословацкого народа, но и всех социалистических стран. Решение о вводе войск — это выражение воли всего советского народа, народов социалистических стран.

ИМАН. Домостроительный комбинат. Работница А. М. Овчинкина:

— Верность революционному учению проявляется в наши дни

также работников Чехословацкого университета. (По телеграфу от соб. корр. «Известий» П. Деминаева). На призывах, строящих в союзных и зарубежных Приорского края прошлых собраний, мы были, боссы. Везде единодушно одобряются исключительные действия Советского правительства и правительства других социалистических стран по оказанию помощи братскому чехословацкому народу.

СПАСК-ДАЛЬНИЙ. Мастер швейной фабрики К. П. Трусов:

— Мне пришлось участвовать в подавлении контрреволюции в Венгрии. Пресечь вызвали империалистов в Чехословакии — вызвать буржуазные порядки в стране братского народа.

Большой морозильный рабочий-наемный ТРАУЛЕР «БАРАБИНСКИЙ». Матрос А. И. Голованов:

— Я поддерживаю чехи Советского правительства. Мы боимся рабочего класса в Чехословакии, будем солидарны в борьбе за интересы социалистического лагеря.

БРАТЯ ПО КЛАССУ

24 августа. (По телеграфу от соб. корр. «Известий» П. Деминаева). На призывах, строящих в союзных и зарубежных Приорского края прошлых собраний, мы были, боссы. Везде единодушно одобряются исключительные действия Советского правительства и правительства других социалистических стран по оказанию помощи братскому чехословацкому народу.

ВЕРНОСТЬ ПОЛГУ

Действия Советского правительства в Чехословакии — это для нас не только радостное событие, но и гордость. Многие бойцы нашего соединения — люди разных национальностей — погибли во имя того, чтобы в Чехословакии восстановился социализм. И вот в наши дни решение правительства Советского Союза и других социалистических стран оказать братскому чехословацкому народу всеполющую помощь в защите социалистического строя — это для нас не только радостное событие, но и гордость.

Ученым всего мира

Чехословацкая Социалистическая Республика незаконно оккупирована войсками Советского Союза и некоторых других стран Варшавского договора. Это грубейшим образом нарушает наш государственный суверенитет, принципы международного права и Устав Организации Объединенных Наций. Оккупанты интернировали в неизвестном месте председателя Национального собрания, председателя правительства, первого секретаря ЦК КПЧ. Президент республики, Национальное собрание и правительство, пока еще их деятельность не прервана оккупантами, в прямом согласии с единодушным мнением всего народа категорически требуют немедленного отвода иностранных войск. Экономическая и культурная жизнь нашей страны серьезно нарушена. Оккупанты вмешались также в деятельность Академии и чехословацких высших учебных заведений. Здание президиума Академии занято войсками, заняты некоторые институты Академии и факультеты вузов, ведущим чехословацким ученым угрожает преследование. Существует серьезная опасность того, что незаконная оккупация будет углубляться, что чехословацкий народ вновь утратит свою самостоятельность, что жестокое

внешнее вмешательство нарушит движение по пути демократического и гуманного социализма, на который наш народ вступил несколько месяцев назад.

В этой ситуации, весьма важной не только для нашей страны, но и для всего мира, мы обращаемся к вам с просьбой всесторонне поддержать наше дело и помочь обновлению свободной жизни нашей страны.

Чехословацкая АН

Единство и сплоченность братских народов восторжествуют

В «Правду» телеграфируют:

Из АЛЬМЕТЬЕВСКА Татарской АССР.

Я и мои товарищи нефтяники Татарии уверены в том, что Советское правительство и другие социалистические страны приняли единственное правильное решение, протянув руку помощи братскому народу Чехословакии. Как бы сегодня родовали враги социализма, если бы в этот решающий час мы проявили медлительность и нерешительность.

И еще. У советских людей солидарность с братскими народами никогда не была пустой фразой. Мы привыкли подкреплять действия родной партии и правительства убоим трудом. Так поступает сегодня многочисленный коллектив промысловиков Татарии. Он гордится тем, что у стен молодого города татарских нефтяников берет свое начало нефтепровод «Дружба», питающий жидким топливом европейские страны социализма, в том числе и Чехословакию. И мы сделаем все, чтобы поток нефти по этой трассе дружбы никогда не прекратился.

3. ШАРИФУЛЛИН.

Герой Социалистического Труда, мастер по добыче нефти промыслового управления «Елхоннефть».

...с борта теплохода «Наманган».

Моряки теплохода «Наманган» Азовского пароходства горячо одобряют решение Советского правительства, правительства Болгарии, Венгрии, ГДР. Полны об оказании братской помощи Чехословакии. Мы уверены, что с помощью социалистических стран чехословацкий народ преодолеет все препятствия на пути строительства социализма.

ОДОБРЯЕМ!

КИШИНЕВ

«Мы единодушно поддерживаем и одобряем действия Советского правительства и правительств стран — участниц Варшавского Договора, пришедших на помощь трудящимся Чехословакии» — так говорится в резолюции участников митинга на Кишиневском тракторном заводе.

Все трудовая Молдавия солидарна с усилиями социалистических стран, оказывающих братскую помощь трудящимся Чехословакии в их борьбе с контрреволюцией.

Кишиневский завод «Электромашина». На многотрудном митинге выступили рабочие, инженеры, служащие. Токарь инструментального цеха Л. Яриленко сказал:

— Решительные, энергичные меры правительства пяти социалистических стран правдивы и своевременны. Это решение соответствует интересам чехословацкого народа и народов других стран социализма, отстаивающих мир против сил милитаризма, агрессии и реванша.

Гневно осудили попытки вмешательства международного империализма во внутренние дела социалистических стран сотрудники Института экономических исследований и научно-технической информации при Госплане Молдавской ССР. В принятой на митинге резолюции научные работники выразили уверенность, что Чехословацкая Социалистическая Республика под руководством рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии — одержит победу над контрреволюцией.

П. БОГАТЕНКОВ.
(Кишинев).

словакии в их борьбе с внутренней контрреволюцией и просками империализма.

— Мы, советские люди, — интернационалисты, — сказал, выступая на митинге коллектива типографии старейший коммунист, участник гражданской войны М. Семейко. — Мы оказали братскую помощь трудящимся Чехословакии в дни Словацкого национального восстания, а также в 1945 году, когда смертельная угроза нависла над Прагой. И сейчас мы готовы сделать все, чтобы отстоять и укрепить там завоевания социализма.

Участники собраний и митингов принимают резолюции, в которых заявляют, что не покажут сил для укрепления могущества Родины.

А. СОЛОМОНЧУК.

(Внештатный корр.
«Правды»).

ТАЛЛИН

В Советской Эстонии продолжают собираться и митинги, на которых трудящиеся республики единодушно одобряют решение Советского правительства и правительств других социалистических стран об оказании помощи народам Чехословакии в борьбе против контрреволюции.

— Пребывание в Чехословакии союзнических вооруженных сил поможет чехам и словакам отстоять и укрепить социалистический строй, способствует сохранению мира во всей Европе, — сказала работница фабрики резиновых изделий «Тегур» В. Нукк.

Директор Орусского торфокombината им. Я. Анисельта В. Вана, работница

Всем студентам мира

Я чешский студент, мне 22 года. В момент, когда я пишу это воззвание, советские танки стоят в большом парке почти под моими окнами. Дула орудий нацелены на правительственное здание с надписью: «За социализм и мир!» Этот лозунг на здании я помню с тех пор, как стал способен понимать окружающее. Однако прошло лишь семь месяцев со времени, когда эта надпись понемногу начала приобретать свой первоначальный смысл. В течение семи месяцев моей страной руководили люди, которые поставили целью доказать – вероятно, впервые в истории, – что социализм и демократия могут существовать вместе. Место, куда увезли этих людей, сейчас неизвестно. Я не знаю, увидим, услышим ли мы их еще когда-нибудь. Многого я не знаю. Например, я не знаю, долго ли советским солдатам не удастся заставить замолчать свободные радиостанции, правдиво информирующие наш народ. Не знаю также, встречу ли я со своими друзьями за границей, если я когда-нибудь окончу свой университет, как я рассчитывал; но в этот момент все утрачивает свой первоначальный смысл. В 3 часа утра 21 августа 1968 года я проснулся совсем в другом мире, чем тот, в котором несколькими часами раньше лег спать.

Возможно, вы думаете, что чехи вели себя как трусы, потому что они не воевали. Но против танков нельзя идти с голыми руками. Я хотел бы заверить вас, что чехи и словаки вели себя как политически зрелый народ, который может быть сломлен физически, но морально – никогда. Потому я это пишу. Единственное, чем вы можете нам помочь, – не забудьте о Чехословакии. Мы просим вас, помогите нашему пассивному сопротивлению, постепенно усиливая напор общественного мнения во всем мире. Думайте о Чехословакии и тогда, когда она перестанет быть газетной сенсацией.

Единственная Чехословакия, которую мы признаем, – это Чехословакия свободная и нейтральная.

«Студент», 1 недатированный спецвыпуск, примерно 23 августа 1968

Мы с вами – будьте с нами!

Мы обращаемся к вам и когда наши слова глушат

...Никто из нас не забудет, что в те минуты, когда в честь президента Свободы нынешние советские руководители велели вывесить на Внуковском аэродроме и на улицах Москвы чехословацкие флаги, их солдаты в наших селах стреляли в молодежь, несущую эти флаги как символ нашего несломленного патриотизма. Что когда к звукам нашего государственного гимна, узурпированного теми, кто его попра, пришивался салют московских орудий, такие же орудия сеяли здесь, у нас, смерть и разрушения. Что пока на московском аэродроме и на улицах города «группы граждан» троекратно скандировали «Дружба, дружба, дружба!», гусеницы танков и сапоги солдат давили последние крохи этой дружбы, которая была в нашей стране столь истинной, как, вероятно, нигде более, и которая столь жестоко была выбита из наших мыслей и сердец. Придет время, когда дни и ночи, начавшиеся 21 августа 1968 года, покажутся потрясающим, фантастическим, невероятным сном. Не все из нас доживут до этого времени. Но оно придет, и жить для

**него, работать для него, бороться за него – хорошо!
Это единственный достойный человека образ жизни,
единственная действительно человеческая жизнь.**

*«Свободные телевизионные новости», № 2, 24 августа
1968*

Часть первая. Красная площадь

21 августа войска 5 стран – участниц Варшавского пакта – совершили вероломное и неспровоцированное нападение на Чехословакию. Агрессивные действия СССР и его союзников встретили резкий отпор мирового общественного мнения. Наиболее решительным выступлением против агрессии в Чехословакии (имеется в виду: в нашей стране. – Н.Г.) явилась сидячая демонстрация протеста, состоявшаяся 25 августа 1968 г. в 12 часов дня на Красной площади.

«Год прав человека в Советском Союзе. Хроника текущих событий», выпуск 3, 31 августа 1968

Запись очевидца демонстрации²

Воскресенье, 25 августа 1968 года.

Полдень. Красная площадь заполнена провинциалами, интуристами. Милиция, отпускные солдаты, экскурсии. Жарко, полплощади отгорожена и пуста, кроме хвоста к мавзолею.

Перед боем часов в 12.00 разводится караул у Мавзолея: толпы любопытных, мальчишек бегут, глаза, туда и обратно – к Спасским воротам.

Часы бьют. Из Спасских выскакивает и мимо ГУМа в улицу проносится черная «Волга».

В этот момент у Лобного места, где народу довольно много – стоят, сидят, рассматривают Василия Блаженного, – садятся несколько человек (7–8) и разворачивают плакаты. На

² Автор этой записи – Александр Самбор (1937–1980-е), переводчик, друг моих друзей Ирины Максимовой и Виктора Сипачева. От них он и узнал о демонстрации. Сами эти мои друзья активно занимались распространением самиздата и фотосамиздата (в частности, с самого начала до самого конца «Хроники текущих событий» перепечатывали и переснимали на позитивную пленку ее выпуски). Они же сделали и первые фото пленки «Полдня». – Здесь и далее в сносках и в квадратных скобках непосредственно в тексте – пояснения автора, сделанные частично в 2005 году при подготовке журнальной публикации отрывков (Урал. 2005. № 6), частично в 2007-м при подготовке первого российского издания книги. Примечания, которые были в книге с самого начала, даются либо в круглых скобках с подписью «Н.Г.», либо отдельными абзацами с соответствующими подзаголовками.

одном из них метров с тридцати можно прочесть «Прекратить советское вмешательство в Чехословакию».

...Через несколько секунд к сидящим со всех ног бросаются бежать около десятка человек с разных ближайших к месту точек на площади. Первое, что они делают, — вырывают, рвут и комкают плакаты, ломают маленький чешский флаг, похожий на те, которые раздавали населению для встречи президента Свободы два дня назад. Ликвидировав плакаты, подбежавшие бьют сидящих в лицо, по голове.

Сбегаются толпа. Базарное любопытство к скандалу, вопросы друг к другу: «Что произошло?»

Среди толпы, окруженные первыми подбежавшими, сидят несколько обычно одетых людей лет по 30–40. Две женщины — молодая в очках и постарше, с проседью. В детской коляске спит младенец нескольких месяцев на вид.

Любопытные не понимают, в чем дело, так как решительно ничего скандального заметить не могут, кроме того, что у одного из сидящих в кровь разбиты губы. Некоторые делают предположения: «Это, наверно, чехи», «Ну и сидели бы у себя», «Сюда-то чего пришли», «А если не чехи, то в милицию их, и все». Но общий тон сразу же становится более определенным. Из окружающей толпы через некоторые промежутки времени раздаются четко произносимые фразы: «Антисоветчики», «В милицию их», «Давить их надо», «Жидовские морды», «Проститутка, нарожала детей, теперь на Красную площадь пришла» (видимо, в адрес женщины с коляской).

Сидящие либо молча глядят на окружающие их лица, либо пытаются объяснить любопытным, что они здесь протестуют против агрессии СССР в Чехословакии. Их негромкие, не совсем отчетливые даже для близстоящих слова покрываются криками: «Сволочи», «Какая агрессия? Все знают, зачем мы туда пришли». Женщине, которая пробует вступить за сидящих, кричат: «А ее тоже надо арестовать».

...Это продолжается минуты 3–4. Милиционер свистками расчищает проход в толпе от светло-голубой «Волги», остановившейся в 7–10 метрах от Лобного места со стороны ГУ-Ма (наискосок по прямой). Люди без формы или каких-либо знаков отличия, руководимые несколькими людьми, – одни пробились через проход от машины, другие стояли в толпе около сидящих – проводят к машине четверых мужчин и одну женщину (с проседью). Первый ведомый огрызается назад: «Не крути руки». Другого несут, волокут. Третий – с разбитыми губами – перед тем, как его вталкивают через заднюю дверь, успевает крикнуть «Да здравствует Чехословакия». Всех перед тем, как засунуть в «Волгу» через левую заднюю дверь, успевают ударить по голове, женщине, которую заталкивают последней, заламывают голову, чтобы влезла через пролет двери.

Машина отъезжает. У Лобного места остаются сидеть женщина в очках, рядом стоит, держась за ручку коляски, другая женщина. Между ними и рядом стоящими начинается перебранка. Голоса: «Хулиганы», «Вам хлеб дают» – от-

вет: «У меня сломали чешский флаг».

Некоторые уговаривают женщину уйти, просят разойтись: «Граждане, дадим дыхнуть ребенку», одновременно идет базарная ругань без мата и крики: «Их тоже в милицию». Молодая блондинка в общем приятной наружности втолковывает: «Таких, как вы, надо давить. Вместе с детьми, чтобы они идиотиками не росли».

Никто не страгивается с места. После увоза мужчин проходит минут 8–10, и другая светло-голубая «Волга» (метрах в десяти между Лобным и Мавзолеем) останавливается. Женщин несут на руках, не так грубо, как с мужчинами, обращаясь по дороге. Вместе с коляской грузят в машину.

Неудовлетворенная толпа остается, но милиционер-регулирущик на площади настойчиво просит разойтись. В некоторых местах ожесточенные перебранки: «А что вы их защищаете!» Молодой человек в очках с назойливым терпением в голосе предлагает: «Давайте поговорим, разберемся», но партнеров для дискуссии не находит. Муж в тенниске энергично говорит толстеющей супруге в выходном платье: «Заткнись, если ничего не понимаешь». Она пыталась непрофессионально поставленным голосом присоединиться к хору осуждающих.

Народ начал было расходиться (пробило четверть первого), но тут свистки, беготня милиции, регулировщиков – из Спасских ворот вылетают две черные «Чайки» и по проходу шириной метров восемь между двумя толпами проскакива-

ют в улицу мимо ГУМа.

В них занавески. Во второй машине на среднем сиденье вполоборота человек в шляпе, а рядом с ним на заднем выглядывает через стекло правой дверцы физиономия, напоминающая фото Дубчека, который, как будет объявлено через два дня (во вторник), входил в делегацию ЧССР на переговоры в Москве.

Вслед за этим у зеленой «Волги» между Лобным местом и Василием Блаженным собирается новая толпа. У иностранца пытаются засветить пленку, он протестует по-русски с сильным акцентом. Машина трогается. Протесты смолкают. Толпа медленно рассредотачивается.

Слова: «Чехи протестуют, что флаг поломали». На вопрос: «А что такое?» – пожимают плечами.

На Спасской башне часы показывают 12.22.

В 16.00 25 августа Би-би-си в передаче новостей (на английском языке) упомянула сообщение Рейтер из Москвы о задержании «по крайней мере» четырех человек на Красной площади, «по-видимому», в связи с демонстрацией группы интеллигенции против советского вмешательства в Чехословакии.

Через два дня одна из радиостанций, вещавших на СССР, сообщила, что среди задержанных – Павел Литвинов и Лариса Даниэль, жена сидящего писателя. Задержанным будет предъявлено обвинение в нарушении «общественного по-

рядка».

Примечания к записи очевидца демонстрации. В этой записи не все точно, но я не знала ее автора и не имела права редактировать ее по существу. Поэтому только отмечу имеющиеся неточности.

Лозунги продержались так недолго, что автор записи, видимо, восстановил текст увиденного им лозунга по смыслу. Вероятно, он увидел лозунг «Руки прочь от ЧССР!» – самый заметный, размашисто черным по белому, а вспомнил его как «Прекратить советское вмешательство в Чехословакии».

Машин было не две, и меня увозили не вместе с другой женщиной. До меня увезли девять человек, в том числе трех женщин, – по крайней мере в трех машинах, а потом, после большого интервала, увезли меня, да и коляску засунули не в ту же машину, а искали машину отдельно. А за женщину, «увезенную» вместе со мной, автор записи, видимо, принял кагэбэшницу, которая била меня по губам, да только это видели лишь ближайшие к машине.

Мне кажется, что автор записи сгустил краски в изображении толпы. Мне толпа показалась более нейтральной, большая часть реплик принадлежала нескольким людям, оставшимся в толпе от той группы, что рвала у нас плакаты.

Что помню я о демонстрации

Накануне прошел дождь, но в воскресенье с самого утра было ясно и солнечно. Я шла с коляской вдоль ограды Александровского сада; народу было так много, что пришлось сойти на мостовую. Малыш мирно спал в коляске, в ногах у него стояла сумка с запасом штанов и распашонок, под матрасиком лежали два плаката и чехословацкий флажок. Я решила: если никого не будет, кому отдать плакаты, я прикреплю их по обе стороны коляски, а сама буду держать флажок.

Флажок я сделала еще 21 августа: когда мы ходили гулять, я прицепляла его к коляске – когда были дома, вывешивала в окне. Плакаты я делала рано утром 25-го: писала, зашивала по краям, надевала на палки. Один был написан по-чешски: «Ať žije svobodné a nezávislé Československo!», т. е. «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». На втором был мой любимый призыв: «За вашу и нашу свободу» – для меня, много лет влюбленной в Польшу, особенно нестерпимым в эти дни было то, что вместе с нашими войсками на территорию Чехословакии вступили и солдаты Войска Польского, солдаты страны, которая веками боролась за вольность и независимость против великодержавных угнетателей – прежде всего против России.

«За вашу и нашу свободу» – это лозунг польских повстанцев, сражавшихся за освобождение отчизны, и поль-

ских эмигрантов, погибавших во всем мире за свободу других народов. Это лозунг тех русских демократов прошлого века, которые поняли, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Проезд между Александровским садом и Историческим музеем был перекрыт милицией: там стояла очередь в мавзолей. Когда я увидела эту толпу, мне представилось, что вся площадь, до самого Василия Блаженного, запружена народом. Но когда я обошла музей с другой стороны и вышла на площадь, она открылась передо мной просторная, почти пустынная, с одиноко белеющим Лобным местом. Проходя мимо ГУМа, я встретила знакомых, улыбнулась им и прошла дальше не останавливаясь.

Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. Не на первом и не на роковом последнем, а на каком-то случайном из двенадцати ударов, а может быть и между ударами, демонстрация началась. В несколько секунд были развернуты все четыре плаката (я вынула свои и отдала ребятам, а сама взяла флажок), и совсем в одно и то же мгновение мы сели на тротуар.

Справа от меня сидела Лара, у нее в руках было белое полотнище, и на нем резкими черными буквами – «Руки прочь от ЧССР». За нею был Павлик. Доставая плакаты, я сознательно протянула ему «За вашу и нашу свободу»: когда-то мы много говорили о глубокой мысли, заключенной в этом

призыве, и я знала, как он ему дорог³. За Павликом были Вадим Делоне и Володя Дремлюга, но их я видела плохо: мы все сидели дугой на краешке тротуара, повторяющего своими очертаниями Лобное место. Чтобы увидеть конец этой дуги, надо было бы специально поворачиваться. Потому-то я потом и не заметила, как били Вадима. Позади коляски сидел Костя Бабицкий, с которым я до тех пор не была знакома, за ним – Витя Файнберг, приехавший на днях из Ленинграда. Все это я увидела одним быстрым взглядом, но, по-моему, на то, чтобы записать эту картину, ушло больше времени, чем то, что прошло от мгновения, как плакаты поднялись над нами, и до мгновения, как они затрещали. Вокруг нас только начал собираться народ, а из дальних концов площади, опережая ближайших любопытных, мчались те, кто поставил себе немедленной целью ликвидировать демонстрацию. Они налетали и рвали плакаты, даже не глядя, что там написано. Никогда не забуду треска материи.

Я увидела, как сразу двое – мужчина и женщина, портфелем и тяжелой сумкой – били Павлика. Крепкая рука схватила мой флажок. «Что! – сказала я. – Вы хотите отнять у

³ После того как в январе 1968-го, в последний день процесса Галанскова – Гинзбурга, Лариса Богораз и Павел Литвинов написали свое «Обращение к мировой общественности», им начала приходить обширная почта, и не только из разных уголков Советского Союза. Письма Ларисе, давно находившейся под неусыпной слежкой КГБ, были быстро перекрыты, но Павлу письма еще некоторое время приходили. Среди них было письмо школьников из Гданьска (см.: Процесс четырех / Сост. и комм. П. Литвинова. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1971), которое заканчивалось призывом «За нашу и вашу свободу».

меня чехословацкий государственный флаг?» Рука поколебалась и разжалась. На мгновение я обернулась и увидела, как бьют Витю Файнберга. Плакатов уже не было, и только флажок мне еще удалось защитить. Но тут на помощь нерешительному товарищу пришел высокий гладколицый мужчина в черном костюме – из тех, кто рвал лозунги и бил ребят, – и злобно рванул флажок. Флажок переломился, у меня в руке остался обломок древка.

Еще на бегу эти люди начали выкрикивать различные фразы, которые не столько выражали их несдержанные эмоции, сколько должны были провоцировать толпу последовать их примеру. Я расслышала только две фразы, их я и привела в своем письме: «Это все жида!» и «Бей антисоветчиков!». Они выражались и более нецензурно: на суде во время допроса Бабицкого судья сделала ему замечание за то, что он повторил одно из адресованных нам оскорблений.

Тем не менее собравшаяся толпа не реагировала на призывы «бить антисоветчиков» и стояла вокруг нас, как всякая любопытная толпа.

Почти все, кто бил ребят и отнимал плакаты, на короткое время исчезли. Стоящие вокруг больше молчали, иногда подавали неприязненные или недоуменные реплики. Два-три оратора, оставшиеся от той же компании, произносили пылкие филиппики, основанные на двух тезисах: «мы их освобождали» и «мы их кормим»; «их» – это чехов и словаков. Подходили новые любопытные, спрашивали: «Что здесь?» –

«Это сидячая демонстрация в знак протеста против оккупации Чехословакии», – объясняли мы. «Какой оккупации?» – искренне удивлялись некоторые. Все те же два-три оратора опять кричали: «Мы их освобождали, 200 тысяч солдат погибло, а они контрреволюцию устраивают». Или же: «Мы их спасаем от Западной Германии». Или еще лучше: «Что же мы, должны отдать Чехословакию американцам?» И – весь набор великодержавных аргументов, вплоть до ссылки на то, что «они сами попросили ввести войска».

За этими ораторами трудно было слышать, кто из ребят что говорил; помню, кто-то объяснял, что «письмо группы членов ЦК КПЧ» с просьбой о вводе войск – фальшивка, недаром оно никем не подписано. Я на слова «Как вам не стыдно!» сказала: «Да, мне стыдно – мне стыдно, что наши танки в Праге».

Через несколько минут подошла первая машина. После мне рассказывали люди, бывшие на площади, как растерянно метались в поисках машин те, кто отнял у нас лозунги. Найти машину в летнее воскресенье на Красной площади, по которой нет проезда, трудно, даже учитывая право работников КГБ останавливать любую служебную машину. Постепенно они ловили редкие машины, выезжавшие с улицы Куйбышева в сторону Москворецкого моста, и подгоняли их к Лобному месту.

Ребят поднимали и уносили в машины. За толпой мне не было видно, как их сажали, кто с кем вместе ехал. Послед-

ним взяли Бабицкого, он сидел позади коляски, и ему достался упрек из толпы: «Ребенком прикрываетесь!» Я осталась одна.

Малыш проснулся от шума, но лежал тихо. Я переодела его, мне помогла незнакомая женщина, стоявшая рядом. Толпа стояла плотно, проталкивались не видевшие начала, спрашивали, в чем дело. Я объясняла, что это демонстрация против вторжения в Чехословакию. «Моих товарищей увезли, у меня сломали чехословацкий флажок», – я приподнимала обломочек древка. «Они что, чехи?» – спрашивал один другого в толпе. «Ну и ехали бы к себе в Чехо словакию, там бы демонстрировали». (Говорят, вечером того же дня в Москве рассказывали, что на Красной площади «демонстрировала чешка с ребенком».) В ответ на проповедь одного из оставшихся на месте присяжных ораторов я сказала, что свобода демонстраций гарантирована конституцией. «А что? – протянул кто-то в стороне. – Это она правильно говорит. Нет, я не знаю, что тут сначала было, но это она правильно говорит». Толпа молчит и ждет, что будет. Я тоже жду.

– Девушка, уходите, – упорно твердил кто-то. Я оставалась на месте. Я подумала: если вдруг меня решили не забирать, я останусь тут до часу дня и потом уйду.

Но вот раздалось требование дать проход, и впереди подъезжающей «Волги» через толпу двинулись мужчина и та самая женщина, что была Павла сумкой, а после, стоя в толпе, ругала (и, вероятно, запоминала) тех, кто выражал нам

сочувствие. «Ну, что собрались? Не видите: больной человек...» – говорил мужчина. Меня подняли на руки – женщины рядом со мной едва успели подать мне на руки малыша, – сунули в машину – я встретила взглядом с расширенными от ужаса глазами рыжего француза [Клода Фриу, которого я видела накануне демонстрации у Ларисы Богораз], стоявшего совсем близко, и подумала: «Вот последнее, что я запомню с воли», – и мужчина, указывая все на ту же женщину, плотную, крепкую, сказал: «Садитесь – вы будете свидетелем». – «Возьмите еще свидетеля», – воскликнула я, указывая на ближайших в толпе. «Хватит», – сказал он, и «свидетельница», которая, кстати, нигде потом в качестве свидетеля не фигурировала, уселась рядом со мной. Я кинулась к окну, открыла его и крикнула: «Да здравствует свободная Чехословакия!» Посреди фразы «свидетельница» с размаху ударила меня по губам. Мужчина сел рядом с шофером: «В 50-е отделение милиции». Я снова открыла окно и попыталась крикнуть: «Меня везут в 50-е отделение милиции», но она опять дала мне по губам. Это было и оскорбительно, и больно.

– Как вы смеете меня бить! – вскрикивала я оба раза. И оба раза она, оскалившись, отвечала:

– А кто вас бил? Вас никто не бил.

Машина шла на Пушкинскую улицу через улицу Куйбышева и мимо Лубянки. Потом я узнала, что первые машины ехали прямо на Лубянку, но там их не приняли и послали в

50-е отделение милиции. Мужчина по дороге сказал шоферу: «Какое счастье, что вы нам попались». А когда доехали, шофер сказал этому «случайному представителю разгневанной толпы»: «Вы мне путевочку-то отметьте, а то я опаздываю».

– Как ваша фамилия? – спросила я женщину в машине.

– Иванова, – сказала она с той же наглой улыбкой, с которой говорила «Вас никто не бил».

– Ну конечно, Ивановой назваться легче всего.

– Конечно, – с той же улыбкой.

Рассказ Тани Баевой, восьмого участника демонстрации

На следствии я сказала: «Была случайно». Почему? Почему я не побоялась идти на площадь и почему впоследствии отреклась?

24-е, вечер. Я знаю, что пойду, решила сразу. Почему? Понимание и возмущение, основанное на понимании, пришли позже. Я понимала интуитивно, что совершено насилие, что моя страна вновь становится жандармом Европы. И еще я понимала – идут мои друзья. Я пошла с друзьями.

Они пошли с Чехословакией. Они отдавали свою свободу Чехословакии. А я отдавала ее друзьям.

Я понимала, что впереди лагерь. Я готовилась к этому. Поздно ночью я чистила свою квартиру⁴ и писала письма друзьям и родителям (они были в отъезде). В решении своем я не сомневалась.

25-е. Красная площадь. Около двенадцати. Все в сборе, шутят, смеются. Вдруг появляется Вадик. Он узнал случайно. Ему не говорили, ведь он недавно вышел из тюрьмы. «Вадик, уходи!» – «Нет!» Он улыбается.

12 часов. Полдень. Сели. Мы уже по другую сторону. Сво-

⁴ «Чистить квартиру» перед потенциальным обыском означало уничтожать или переносить в безопасное место весь самиздат и вообще все, что могут счесть «криминальным».

бода для нас стала самым дорогим на свете. Сначала, минут 3–5, только публика окружила недоуменно. Наташа держит в вытянутой руке флажок ЧССР. Она говорит о свободе, о Чехословакии.

Толпа глуха. Витя Файнберг улыбается рассеянной близорукой улыбкой.

Вдруг свисток, и от мавзолея бегут 6–7 мужчин в штатском – все показались мне высокими, лет по 26–30. Налетели с криками: «Они продались за доллары!» Вырвали лозунги, после минутного замешательства – флажок. Один из них, с криком «Бей жидов!», начал бить Файнберга по лицу ногами. Костя пытается прикрыть его своим телом. Кровь! Вскликаю от ужаса. (Потом Таня, присев на корточки, вытирала Виктору платком окровавленное лицо. – *Н.Г.*) Другой колотил Павлика сумкой. Публика одобрительно смотрела, только одна женщина возмутилась: «Зачем же бить!» Штатские громко выражали возмущение, поворачиваясь лицом к публике.

Минут через пятнадцать подъехали машины, и люди в штатском, не предъявляя документов, стали волочить нас к машинам. Единственное желание – попасть в машину вместе со своими. Рвусь к ним, мне выворачивают руки. В одну машину, нанося торопливые удары, впихнули пятерых. Меня оттащили и «посадили» в другую машину. Со мной посадили испуганного юношу, схваченного по ошибке. Матерясь, повезли на Лубянку, позвонили, выругались и повернули к 50-му отделению милиции.

«Полтинник». Опять все вместе, оживлены, смеемся, шутим. Я, пожалуй, меньше всех думаю о дальнейшем. Мы вместе – это главное. Смотрю на Вадика: он улыбается, на рубашке расплылись темные пятна пота. Ему, пожалуй, сейчас тяжелее всех. Смотрю в окно – ходят люди, свободные... Вот я сейчас встану и выйду, встану и выйду, встану и...

Смотрю в окно – пыльный тротуар, солнце, голоса. Милиционер задерживает занавеску. Смотрю на товарищей – Витя улыбается разбитыми губами, остальные о чем-то разговаривают. Случайно заглядываю в окошечко КПЗ – на корточках сидят трое мужчин и смотрят без любопытства, холодно – люди из того мира.

В том, что меня ждет тюрьма, я не сомневаюсь. Вдруг, в разговоре, фраза: «Ну, тебя, Татка, конечно, не отпустят!» Мы уже разделились на людей без надежд и тех, кто вернется к свободе, к людям. Впервые мысль: а что, если попробовать? Подхожу к Ларе: «Лар, я попытаюсь выбраться?» – «Конечно, девочка, главное уже сделано!» Для меня главное уже кончилось. Для них только начиналось.

Прошло три часа. Тщетно требуем врача Вите. Наконец начинают вызывать. Уводят Павлика, он прощается с нами, уходит, Вадика – он улыбается нам в дверях. Меня. Второй этаж, обычная комната следователя. Я уже не думаю ни о чем. Только перебираю воспоминания той жизни, началась другая.

Допрос. «Я была случайно». (Кто этому поверит? За пле-

чами уже три демонстрации – и все «случайно».) Рассказала, как били, как отнимали лозунги. Взгляды поддерживаю. Допрос идет вяло. Вдруг: «Что же вы говорите, что были случайно? Боитесь отвечать за свои поступки? Вы нечестны».

Честность – здесь? Нужна ли с этими людьми честность? Позднее я поняла, что это была бы честность по отношению к себе.

Допрос окончен. Выводят – вижу Лару, она ободряюще улыбается.

Везут на обыск. Проезжаю по вечерней Москве, которую я никогда особенно не любила. Сейчас все мне дорого: гомон, суета, смех – все эти атрибуты свободы.

Дома никого не было. Здесь уже со мной перешли на «ты». Проводил обыск капитан милиции Боготоба, который меня допрашивал, и двое в штатском. Понятых привезли с собой. Два мальчика лет по 19: Андрей Истаков и Михаил Антусюк. Понятые сидели молча, перепуганные. На обыске не присутствовало ни одной женщины. Они обыскивали, я собирала вещи в авоську. Они роются в белье, рассматривают семейные фотографии, спрашивают, не веду ли я дневника. А я спрашиваю, холодно ли в камере: ведь на улице жара. Они видят, что я собираюсь серьезно, перестают «шутить», отводят глаза. Торопливо ем: есть не хочется, но когда еще придется. Они молчат. Выключаю газ, холодильник. Они молчат.

Обыск идет уже три часа. Они рылись в личных вещах от-

ца, взяли две его пишущие машинки, поздравительные открытки от иностранных ученых. У меня забрали тетради, записные книжки, магнитофонные ленты.

«Можете остаться дома», – говорят они с усмешкой и уходят.

Затем пошли допросы. В протоколе ничего нового. Говорили, что в предыдущий раз, после Пушкинской площади, «пожалели», а сейчас мне «не уйти от расплаты». Следователь Галахов не отличался особой любезностью: с особым интересом он завел разговор о моих личных делах. Он даже вынул бумажку и зачитал мне имена моих «любовников», которых оказалось так много, что он не в состоянии был их запомнить. В этот список вошли имена всех моих друзей. Галахов явно не понимал, что такое друзья. После того как я сказала, что потребую заменить следователя, подобные вопросы прекратились. Много речей было сказано им, а позднее и Акимовой, о Н. Горбаневской: «ее место в психбольнице», «какая же она мать», «то, что она не в тюрьме, – наша гуманность». Расспросы были основаны на примитивном шантаже: «А вот Делоне говорит...» или «А вот мы вызовем вашего папу...». О Чехословакии говорили мало: на банальные фразы из передовиц бессмысленно было отвечать.

На последнем допросе сказали: «Мы решили пожалеть вас и на этот раз, но...» – и снова последовали угрозы.

Забирая у Акимовой вещи, взятые при обыске (часть отправили в КГБ), я спросила о ее впечатлении об обвиняе-

мых. Акимова сказала: да, это очевидно, хорошие люди, они ей понравились, но почему они идут на заведомую расправу, ей непонятно; почему они свободе предпочитают тюрьму, любимой работе – каторжную, семье – лагерь; какая же это мать, которая подвергает своего ребенка опасности? Существует государство, закон, вы обязаны чтить законы. На вопрос: «Почему же вы не чтите законы?» – Акимова важно ответила: «Мы тоже можем ошибаться».

Через неделю после демонстрации меня выгнали из института. В приказе было сказано, что я не работаю, учась на заочном отделении Московского историко-архивного института. Я обратилась к юристу Министерства высшего образования. Она подтвердила справедливость моего возмущения соответствующим параграфом и буквой закона. Но Фемида оказалась бессильна перед старшим инспектором товарищем Шуйских. Он развел руками и сказал: «А мы же тебя не за это выгнали».

Итак, меня «пожалели»... Теперь мои друзья там, а я здесь. Мои мужественные, последовательные друзья. А я – здесь. Я преклоняюсь перед своими друзьями – перед Ларой, Павликом, Наташей, Костей, Витей, Володи́ей, перед Вадиком, которого мы считали мальчишкой и который повзрослел такой страшной ценой.

Я отреклась. Пускай только от факта участия в демонстрации – не от друзей, не от убеждений, но отреклась. И вот я здесь. Кто же я?

Примечание. Эта книга была уже готова, и в ней был записанный мною Танин рассказ: когда-то я попросила ее вспомнить, кто где сидел, как кого забирали, что она помнит о «полтиннике», о следствии. Таня рассказала довольно коротко, не зная точно, зачем мне это, – я записала. Таня оказалась одним из первых читателей книги и, увидев этот короткий рассказ, перечисляющий факты, но опускающий самый важный факт, о котором у нас не принято было говорить, – факт ее участия в демонстрации, – решила восстановить истину. Так как следствие не доказало участия Тани в демонстрации, я тоже не считала себя вправе упоминать об этом. Я рада, что Таня написала об этом сама.

Часть вторая. Дело о нарушении общественного порядка

В «полтиннике»

50-е отделение милиции, в просторечии называемое «полтинник», находится – вернее, находилось – на Пушкинской улице, рядом с цыганским театром «Ромэн». Сейчас его почему-то перенумеровали в 19-е, но у дверей стоит все тот же мрачный милиционер, который упорно добивался от нас, чтобы женщины сидели с одной стороны от двери, а мужчины – с другой. И чтобы не смели подходить друг к другу.

Это отделение – ближайшее к Пушкинской площади, традиционному месту московских демонстраций. Видно, по традиции и нас отвезли туда же.

Эти три часа, которые мы провели в «полтиннике» все вместе, еще до допросов, я вспоминаю с нежностью. Демонстрация состоялась, и мы были счастливы. Лариса, просто почерневшая за последний тяжкий месяц (арест Марченко, арест ее [двоюродной] сестры Ирины [Белогородской], наконец, 21 августа – день вторжения и день суда над Толей Марченко), теперь поразительно просветлела. У нас было легко на сердце.

В комнате дежурного нас было 11 человек: кроме семи участников демонстрации, еще Таня Баева, Майя Русаковская, Инна Корхова и Миша Леман. Мишу, видно, приняли за нашего знакомого и посадили с нами. Где были все остальные свидетели, в первую очередь «свидетели», рвавшие плакаты и бившие ребят, неизвестно. Мы их не видели. А допросы их датировались 25 августа. Неизвестно, и где были сами плакаты. Потом в материалах дела не оказалось ни фамилий «граждан», задержавших нас, ни фамилий «граждан», передавших плакаты в милицию, – почти никаких данных на этот счет. А между тем те немногие из этих «граждан», которые выступали в суде, уверенно рассказывали, как они издали прочитали текст плакатов – даже карандашом написанное «Свободу Дубчеку».

Кстати, о плакатах.

– Какой был четвертый лозунг? – спросила я кого-то из ребят.

– С одной стороны «Позор оккупантам», с другой – «Свободу Дубчеку», – ответили мне. – Он и сам не помнит, какой стороной держал, кажется, «Позор оккупантам».

«Он» – это Володя Дремлюга. Мне бы у него спросить, и не было бы досадной ошибки в моем письме. Лозунг был «Долой оккупантов», а «Свободу Дубчеку» я опустила, решив, что раз он оказался на обороте плаката, то как бы и не было его.

Может быть, на меня повлияло и то, что писала я, как

только кончились московские переговоры, и я уже знала об участии Дубчека в этих переговорах и о компромиссах, принятых при его участии. Имя Дубчека уже утратило частицу своего ореола.

В самом начале мы потребовали, чтобы Виктору Файнбергу сделали медицинскую экспертизу. В связи с этим дежурный милиционер записал все наши фамилии, имена и отчества, и дознанию не пришлось заниматься процедурой установления наших личностей. Через некоторое время приехал испуганный врач, Виктора увели, и больше мы его не видели. Как я потом узнала, в материалах дела этой экспертизы не было: то ли ее вообще не произвели, то ли выделили из дела вместе с остальными материалами Файнберга. А она была бы объективным показанием о методах расправы с демонстрантами.

Кроме того, мы заявили, что задержанные вместе с нами люди не участвовали в демонстрации: пусть их допросят раньше, чтобы зря не держать. Их допросили, но не отпустили, а продержали до позднего вечера, как и нас.

Когда прошло три часа, Володя Дремлюга встал и спокойно пошел к выходу, вызвав ярость нашего стража. Володя спокойно объяснил, что больше трех часов нас не могут держать без постановления о задержании. Мы присоединились к его заявлению. Милиционеры забежали, и вскоре в дверь заглянул какой-то человек:

– Литвинов здесь есть?

Павлика увели на допрос. За ним Ларису, следующей – меня.

Сидя в «полтиннике», мы не раз вспоминали пророческую песенку-пародию [Юлия Кима]: «Эх, раз, еще раз, еще много-много раз, еще Пашку, и Наташку, и Ларису Богораз».

Допрашивал меня следователь Московского УООП [Управления охраны общественного порядка] Василенко. Я дала показания о расправе с демонстрантами: о том, как рвали плакаты, о побоях, которые я видела, о том, как у меня поломали флажок, о женщине, которая била меня в машине. На все вопросы о самой демонстрации, о ее подготовке и организации я отказалась отвечать – только подчеркнула, что демонстрация была сидячая, поэтому ее участников легко отличить от людей, задержанных случайно. Свой отказ я объяснила тем, что единственными нарушителями общественного порядка на Красной площади были те, кто разгонял демонстрацию и избивал мирных демонстрантов, – поэтому только об их действиях я и буду говорить. Стремясь быть последовательной, я отказалась отвечать даже на вопрос, когда началась демонстрация. С готовым протоколом в руках и со мной Василенко спустился с третьего этажа в коридор второго и пошел в кабинет с кем-то советоваться. Из другого кабинета доносился неразборчивый яростный крик следователя. Можно было понять только: «Как вам не стыдно!» Отвечал ему голос настолько тихий, что об ответе можно было только догадываться по паузам в озлобленном кри-

ке. Мне сразу представилось, что там Лариса, и стало очень больно: лучше б на меня кричали. Я так и не знаю, кого так грубо допрашивали.

Снизу, где остался мой малыш, ничего не было слышно, как я ни прислушивалась.

Василенко вышел от начальства и снова пошел со мной наверх. Он взял новый лист для протокола, заполнил страницу анкетных данных и снова задал вопрос относительно демонстрации. Я сказала, что дала все показания, какие считаю нужным. Не добившись толку, следовательно порвал пустой протокол и снова повел меня на второй этаж.

Конечно, оба раза он не так-то быстро соглашался с моим отказом от показаний. В ход шли все средства убеждения, вплоть до классического «А ваши товарищи всё рассказывают».

– Это их личное дело, – сказала я, улыбнувшись. Если б они и правда «всё» рассказывали, это ничего не изменило бы в моих показаниях. Да я-то знала моих товарищей. А вечером того же дня, во время очной ставки, о которой я еще скажу, я увидела на столе у майора Караханяна протокол Дремлюги – только анкетную страницу. Но и по ней было видно, что Володя оказался еще последовательнее меня. В обоих местах, где должна была стоять его подпись: под анкетными данными и под предупреждением об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний, – следователю пришлось написать: «Подписать отказался».

А допрашивали нас как свидетелей. И опознавали — как «свидетелей». «Опознавали» меня вечером, в девятом часу, а все это время до опознания я провела в каком-то из кабинетов второго этажа, ничего не зная о своем младенце. Меня стерегли — то один милиционер, то другой, притом они были очень недовольны этой заботой: у них, видно, и без нас хватало дела. Толстого пожилого милиционера я спросила, как там ребенок, не видел ли он. «Его нянчит ваша подруга». Потом уж я узнала, что с малышом больше всего нянчились Инна и Миша Леман, а был какой-то момент, когда с ним не осталось никого, кроме молодого и, к счастью, доброго милиционера. Малыш, впрочем, вел себя идеально, хотя мог бы и покричать: я кормила его в середине дня, а из того прикорма, что у него был, одну бутылочку кефира разлили, обыскивая коляску, а творог от жары испортился, так что без меня ребята дали ему съесть то небольшое, что оставалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.